

Валерий Брюсов

Сестры

Валерий Яковлевич Брюсов

Сестры

Аннотация

«Звон колокольчиков замирал вдали, таял, жалуясь, и скоро стало трудно различить – улавливает ли его слух или он звучит только в воспоминаниях.

Сестры медленно и молча вернулись в залу. Ни одна не смотрела на другую. Не знали, как заговорить.

На столе еще стояли остатки недавнего грустного ужина, едва начатая бутылка вина, погасший самовар...»

Содержание

1	4
II	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Валерий Брюсов

Сестры

Из судебных загадок

1

Звон колокольчиков замирал вдали, таял, жалуясь, и скоро стало трудно различить – улавливает ли его слух или он звучит только в воспоминаниях.

Сестры медленно и молча вернулись в залу. Ни одна не смотрела на другую. Не знали, как заговорить.

На столе еще стояли остатки недавнего грустного ужина, едва начатая бутылка вина, погасший самовар.

Лидия решилась произнести слова:

– Кэт, не хочешь ли чаю? Ты, кажется, не пила.

Мара нервно повела плечами. Кэт покачала головой.

Все трое сели, и молчали, и думали об одном. Думали о снежном поле и о тройке, бодро бегущей по свежему снегу дороги; думали о станции, унизированной огоньками; им слышались мерные стуки колес, сливающиеся с первыми образами сна, когда приникаешь щекой к жесткой вагонной подушке... Потом они думали о далеком Париже, широких и светлых площадях, пестроте и мелькании бульваров. Ду-

мали о том, что Николай не вернется никогда.

Чувство бессильного, позднего раскаянья подымалось со дна души у каждой, высилось как вода, переливалось через край: самое мучительное из всех чувств. И на трех разных языках трех разных душ они говорили, сами себе, одни и те же слова: как можно было пропустить этот последний миг? Как можно было не сделать крайней, пусть отчаянной, попытки? Что если спешить, догнать, что-то сказать, что-то исполнить?.. Или теперь уже поздно? поздно? поздно?

Сестры молчали, но им казалось, что они обмениваются незначащими словами. А может быть они обменивались незначащими словами, но им казалось, что они молчат.

За окнами начинал крутиться снег. Под сетью вьющих снежинок стал более смутным и поворот дороги, и откос с чернеющим частоколом молодого соснового леса, и, справа, даль, безжизненного поля.

Проходило какое-то время. И было довольно одной капли, упавшей в тот же сосуд безнадежности, одного слова, одного толчка, чтобы эти три женщины вскочили с криком ужаса, упали бы без чувств или бросились друг на друга, как три волчихи, чтобы грызться и царапать когтями.

Но минуты проходили за минутами все в том же оцепенении. Только снег шел все гуще. Только совсем замолкли звуки в домике, где жила прислуга.

И кто-то сказал, что уже полночь.

Сестры встали, попрощались, разошлись. Было слышно

в их комнатах шуршание платьев. Потом и это стихло.

С каждой наедине была ночь и ее мысли.

На дворе начиналась выюга.

.....

.....

Звон колокольчиков, сначала чуть слышный, так что трудно было различить, улавливает ли его слух или он звучит в воспоминаниях, медленно вливался в ночную тишину, усиливался, обретая свое тело. И вот уже колокольчики звенят явно и близко. Тройка бодро бежит по дороге, заворачивает, слышен глухой скрип полозьев по рыхлому снегу, и ямщик, подлетая к крыльцу, останавливает лошадей.

Сестры, у двери, глядят друг другу в лицо. Все трое бледны. Все догадались, но не смеют сказать. Ждут.

Это знакомая походка. Он идет по сениям. Распахнулась дверь. Хлынул жуткий холод зимней ночи. Николай, в осеребренной снегом шубе, стоит в дверях.

Его никто не спрашивает. Он спешит проговорить приготовленный, заученный ответ:

– Я опоздал к поезду. Нельзя было ждать до утра на станции. Я решил ехать завтра. Вечерний поезд удобнее. А впрочем, я, может быть, передумаю и не поеду вовсе.

И вдруг, с плачем, Лидия бросилась к нему, забыв, что ее слушают сестры, хотела что-то сказать сквозь слезы. Но он тихо отстранил ее.

– Завтра я объясню все, завтра. Я очень устал сегодня. Ве-

ли мне подать в кабинет вина. Я простудился немного на холоде. И, прошу, не тревожь меня. Мне надо написать важные письма.

Кэт и Мара были в глубине комнаты. Он не смотрел на них, но видел их. Он чувствовал необходимость сказать что-нибудь и к ним, но слов у него не было.

Одну минуту он поднял голову, но, встретив неподвижные глаза Мары, опять быстро опустил и молча, торопливо прошел, проскользнул мимо, исчез за дверью своего кабинета.

Лидия куда-то побежала. Послышался ее хлопотливый голос.

Кэт медленно стала ходить по гостиной, закутанная в темно-малиновый платок.

Маре было душно. Она растворила дверь, вышла на крыльцо. Задыхаясь, разорвала ворот рубашки. Метель ударила ей в лицо. Мокрые хлопья снега разбивались о ее грудь, и струйки студеной воды стекали по ее телу. Она вздрагивала и вдыхала холод.

Небо было белое от снега. Ветер кружил бессильные белые стаи. Ветер вскрикивал за воротами и над забором.

В дальнем сарае кучер, с мелькающим фонарем, распрягал лошадей.

II

Николай сидел за своим письменным столом. Все было так знакомо вокруг: цветы обоев, цепи книг на полках, папки с начатыми и давно заброшенными работами. Горела привычная лампа под металлическим зеленым абажуром.

Николай весь углубился в кресло, положив ноги на медвежью шкуру. Ему хотелось думать, много думать, еще и еще думать. Отдаваться течению мыслей так же, как в долгом пути по снежному полю. Было физическое наслаждение в том, что думы могли снова покатиться дальше по намеченным колеям.

Он думал, конечно, о том, что вот уже два года составляло всю его жизнь и наполняло всю его душу: об этих трех женщинах, с которыми он был связан страшными узами блаженства и мучительства. Вот, после безумной попытки убежать, вырвать свою душу на темную свободу, разрубить свою жизнь в одной точке на-двое, — он опять здесь, среди них, и опять должны начаться дни исступленных часов, дни восторгов и отчаяний. Он понял, он понял сегодня, что вне этой атмосферы взаимных оскорблений и боготворения друг друга для него нет жизни, что он умрет без нее, как тропическое растение вне теплицы. Он знал, что вернулся сюда навсегда.

У него кружилась и болела голова, быть может от утомления, быть может от простуды. Мысли вырисовывались об-

разами и картинами с той же отчетливостью, как во сне или в бреду. И, как в начальные мгновения сна, он чувствовал в себе способность управлять сменой своих видений, вызывать лица, как волхв заклинанием.

Он захотел воссоздать образ Лидии, какой она была в первые дни после их свадьбы, смущенной девочкой, стыдливой женщиной, обезумевшей в несказанном для нее. И он увидел их комнату, в каком-то отеле на Ривьере, отчетливо различил кружева на одеяле постели и, в розоватом свете электрической лампочки, среди смятых подушек, ее почти детское, хрупкое тело. Он опять припал к нему благооооуейными губами, целуя каждый мускул, каждый волос, повторяя упоительные слова: ты моя! ты моя! переживая с нею ее наивный экстаз еще смутно постигаемого сладострастия.

И сейчас же, быстро, он заставил явиться другое лицо Лидии, в миг предельного отчаянья, когда она, уязвленная ревностью, выбегала раздетая на снежный двор и бросалась ничком на крыльцо, наземь, и кровь текла из ее разбитой головы. Он опять поднял ее на руки, понес домой; на него смотрят два безумных недоверчивых глаза, вдруг сделавшиеся словно двумя громадными зрачками. Она вся – как затравленный зверок, а в его душе – ничего, кроме ненасытной жалости к любимой, кроме нежной жажды дать ей счастье без меры и самому растаять в нем, как в лучах солнца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.